

«Когда мы в Россию вернемся...»

Поэтическое наследие Георгия Адамовича

Георгий Адамович.

В продолжающемся процессе «освобождения русской литературы» (в частности — возвращения культурного наследия) вновь и вновь открываются нам несправедливо забытые (и тем более — несправедливо неизвестные) имена.

Георгий Адамович — одна из ключевых фигур в литературе первой эмиграции. Мы знали, что он выпускал за рубежом сборники стихов, участвовал во всех эмигрантских антологиях; знали, что он эссеист, мемуа-

Георгий Адамович. Стихотворения. Томск, «Водолей», 1995.

рист, критик; что влияние его на литературный процесс русского зарубежья трудно переоценить. Мы знали многое, но — понаслышке. Адамович российскому читателю до недавних пор был известен больше по имени, нежели по произведениям.

Из искусственной «неизвестности» Адамовича вывело издательство «Логос» (Санкт-Петербург, 1993, книга статей «Одиночество и свобода»). А в начале нынешнего года томское издательство «Водолей» выпустило книгу «Стихотворения». В небольшом томике собрано почти все, написанное Адамовичем-поэтом. Целиком даны обе книги русского периода: «Облака» и «Чистилище». Почти полностью — эмигрантские сборники: «На Западе» и «Единство».

Книга невелика, в поэтическом наследии Адамовича немногим более ста стихотворений. Но этого невеликого количества вполне хватило (и читатель книги убедится в том, что заслуженно хватило) для того, чтобы Адамович остался в памяти одним из лучших поэтов эмиграции.

Обычно собрания сочинений либо итоговые сборники дают, помимо возможности более-ме-

нее полно познакомиться с творчеством поэта, еще и возможность проследить его духовную хронологию, ход творческого взросления.

По книге «Стихотворений» Адамовича (так же, кстати, как и по произведениям двух других столпов эмигрантской поэзии — Ходасевича и — особенно четко — Георгия Иванова) можно отметить не только вехи индивидуального роста поэта, но и границы двух разных эпох русской литературы.

В двух книгах «русского» периода творчества Адамовича — художник, наделенный тонким вкусом и тактом, уверенно владеющий стихотворной техникой. Есть в его стихах своеобразная прелесть, свои, особые ноты. Есть достоинства, которые — для данной эпохи — можно назвать среднеарифметическими.

На закате Серебряного века, уже все главное совершившего, но еще живущего своими свершениями, еще ощущающего эти свершения как действительность, — Адамович был только «одним из многих». Есть у него хорошие стихи, но нет индивидуального чуда, нет даже намеков на порыв к нему.

...так скучать, как я теперь
скучаю,
Бог милосердный людям
не велел.

Вариации на общелитературные темы Серебряного века, подхваченные и положенные на свой голос литературные мотивы, тоска по былому, ощущаемому как поэтический, небывалый миф; и — скука, наиболее часто употребляемое слово первых книг. И за всем этим — силы, не находящие точки приложения, приглушаемые постоянно инерцией времени...

Но потом случилась революция, и Серебряный век — пускай и на взлете — был насильственно прерван. Ушли в прошлое буйство неприкаянных сил, смутные и неразгадываемые прозрения... «Мы стоим на берегу океана, в котором исчез материк», — писал позднее Адамович. — «Обрушился мир, сменился «эон», — и те, кто волей-неволей, по инерции времени, были «среднеарифметическими» писателями Серебряного века, раскрылись в новой эпохе, сами во многом сформировав ее основные черты.

Георгий Адамович — одна из наиболее крупных величин этой новой эпохи. Правда, на свое время он влиял скорее в качестве критика, а не поэта; или, быть может, лучше сказать так: поэтом — в общепринятом значении этого слова — Адамович был скорее в своих статьях, в замечательных «Комментариях».

Стихотворения же эмигрантского периода стремятся уйти за пределы поэзии, стать личным делом, даже — личным подвигом. Они уже — не диалог с читателем, не монолог даже, а несколько слов, таких

Чтоб их в полубреду потом
твердил влюбленный,
Растерянно шептал на казнь
приговоренный,
И чтобы музыкой глухой они
прошли

По странам и морям
тоскующей земли.

Это было написано еще в России — как некий идеал, как мечтание. Теперь мечтание стало реальностью. Такие стихи, как «Ни с кем не говори...», «За слово, что помнил когда-то...», «Когда мы в Россию вернемся...», «За все, за все спасибо...» и многие другие из сборников «Единство» и «На Западе», — это уже окончательные, «последние» слова, которыми думает и говорит человек, оставшийся в тишине, в одиночестве, не имеющий нужды ни в украшении, ни в разъяснении своих мыслей и чувств.

Это — энергия, свернутая в точку. Она и оставлена — специально — ни для кого, но если набредет на эти стихи человек схожей судьбы, — то в его душе эта энергетическая точка развернется и претворится в живой голос собеседника, в речь: откровенную, понимающую, прощающую.

...И за безысходность
мечтанья,

И холод растущий в груди,
И медленное умирание
Без всяких надежд впереди,
За белое имя спасенья,
За томное имя любви
Прощаются все прегрешенья
И все преступленья твои.

Наше время во многом схоже по духу со временем Адамовича. Так же ушел в океан целый материк, ушел прямо из-под ног; и даже если мы не сохранили о нем столь же светлых воспоминаний, как эмигранты первой волны о своем сгинувшем материке, все равно это была наша родина. Так же, как и тогда, мы ощущаем обесцененность — и своей жизни, и культуры, и человеческой жизни вообще; и такое же рядом одиночество, словно бы стерегущее на каждом шагу, мгновенно — при первом же подобном случае — обступающее, как глухие стены, с четырех сторон.

Возможно ли это долго выдерживать? Возможно ли вопреки всему заметить, что

Счастьем горестным
существованья
Тихо светится все вокруг.

Поможет ли нам возвращающаяся в Россию литература? Поддержит ли своим духовным опытом? —

...Но только наверно знать бы,
что вовремя мы добредем...

К сожалению, и сейчас непонятно — вовремя или уже нет. Добрела до нас эта наша литература или опоздала. Хочется надеяться, что еще не опоздала.

Поклонимся же тем, кто продолжал творить культуру даже тогда, когда сама жизнь, казалось, была против этого. Поверим, что такое чудо произойдет и с нынешней Россией. И скажем спасибо тем российским издательствам, которые поддерживают в нас веру в возможность чуда, выпуская хорошие, необходимые книги. В частности — спасибо томскому «Водолею», выпустившему «Стихотворения» Георгия Адамовича.